

Издание памятников эпоса монголоязычных народов в двуязычной академической серии «Эпос народов СССР»

Epos of the Mongolic Peoples: Publications within the Bilingual Academic Book Series ‘Epos of the USSR’s Peoples’

*А. И. Алиева (A. Alieva)*¹

¹ доктор филологических наук, главный научный сотрудник, отдел фольклора, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а). E-mail: matilda19@mail.ru

Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Chief Research Associate, Department of Folklore, Gorky Institute of World Literature of the RAS (25a, Povarskaya St., Moscow, 121069, Russian Federation). E-mail: matilda19@mail.ru

Аннотация. 40–60-е годы XX в. в истории многонациональной советской фольклористики — время, когда по очереди сменяли друг друга две тенденции: то безудержная идеализация памятников народного эпоса, то их вульгарно-социологическое истолкование, нередко приводившее к их полному исключению из числа великих памятников мирового эпического наследия.

Усилиями научной общественности страны, поддержанными партийными и государственными органами, был проведен ряд научных конференций фольклористов, восстановивших справедливость в оценке эпических памятников. Республиканские научно-исследовательские институты в сотрудничестве с Институтом мировой литературы опубликовали 20 эпических памятников, достойно представляющих богатейшее эпическое наследие разных народов СССР. В статье кратко воссоздана история подготовки и публикации томов академической серии, посвященных героическому эпосу калмыцкого (эпос «Джангар») и бурятского (эпос «Гэсэр») народов.

Ключевые слова: двуязычная академическая серия «Эпос народов СССР», калмыцкий героический эпос «Джангар», бурятский героический эпос «Гэсэр»

Abstract. As for the multinational Soviet folkloristics, the 1940–1960s witnessed the two alternating trends, namely: excessive idealization of folk epic patterns was repeatedly replaced by their vulgar sociological interpretations that often resulted in that epic compositions would be excluded from the list of greatest monuments of the world epic heritage.

The national academic circles — with the support of some party and state organs — organized a number of folklore scientific conferences that finally re-established justice

in evaluations of the epic monuments. Republican research institutions in co-operation with the Institute of World Literature published 20 epic monuments representing the rich epic heritage of different Soviet peoples. The article provides an overview of activities related to the preparation and publication of the heroic epics of the Kalmyks (*Jangar*) and Buryats (*Gesar*).

Keywords: Bilingual Academic Book Series 'Epos of the USSR's Peoples', Kalmyk heroic epic of *Jangar*, Buryat heroic epic of *Gesar*

В 40–60-е гг. XX в. в Советском Союзе в оценке произведений устной народной поэзии, прежде всего памятников героического эпоса, поочередно господствовали две тенденции — то их безудержная идеологизация, то вульгарно-социологическое толкование их идейно-художественного значения. И то, и другое сильно тормозило их подлинно объективное исследование. Бывало так, что доходило до полного отрицания и даже порицания необходимости публикации эпических памятников. В прессе Киргизии, Узбекистана, Азербайджана, Бурятии, Башкирии, Татарстана в начале 50-х гг. прошлого века стали публиковаться решения различных совещаний, конференций, резко осуждавших такие эпические памятники, как «Манас», «Алпамыш», «Гэсэр», «Дэдэ-Коркут» и другие, как антинародные и даже реакционные творения.

В результате длительное время изучение народного героического эпоса в СССР не только тормозилось, но и практически было приостановлено. «А в Туркмении дошли до того, что объявили реакционными все эти эпические произведения национального устного эпического творчества и прекратили всякие публикации (в том числе и научные) материалов традиционного фольклора. В результате длительное время серьезно тормозилась научная работа в области изучения национального фольклора, в том числе и эпоса» [Петросян 1958: 178].

Решительные перемены по отношению к героическому эпосу разных народов СССР начались после обсуждения проблем киргизского героического эпоса «Манас» в июне 1952 г. на научной конференции в г. Фрунзе (ныне — г. Бишкек), посвященной этому грандиозному эпическому памятнику. Одним из самых важных было решение конференции «...о создании в системе Академии наук СССР единого научного центра по изучению народного творчества» [Об итогах ... 1952: 68].

Вскоре «...проблема „Эпос народов СССР“ была утверждена как координационная; руководство этой работой было возложено на Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР» [Чичеров 1955: 50].

Крупномасштабное и координированное изучение эпического наследия народов СССР стало одним из главных направлений работы Института мировой литературы (далее — ИМЛИ). В 1954, 1956, 1957 и 1958 гг. ИМЛИ провел ряд Всесоюзных научных конференций, посвященных актуальным проблемам эпоса народов СССР — его собирания, хранения, текстологического исследования, издания, перевода на другие языки.

В 1967 г. Редакционно-издательский совет АН СССР утвердил двуязычную академическую серию «Эпос народов СССР». На республиканские научно-исследовательские институты возлагалась подготовка к печати томов серии, на Институт мировой литературы — научная и научно-организационная работа, на Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука» — выпуск томов в свет.

Была разработана программа подготовки томов серии «Эпос народов СССР», составленная так, чтобы с максимальной полнотой представить все разнообразие и богатство эпического наследия народов СССР.

Первый том серии вышел в свет в 1971 г. До 2003 г. было издано 20 эпических памятников (в 26 книгах). Наиболее полно в серии представлен эпос тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Южной Сибири.

Эпос монголоязычных народов представляют два грандиозных эпических памятника: калмыцкий героический эпос «Джангар» и бурятский «Гэсэр». Создатели этих эпических памятников — калмыки и буряты, имеющие общие генетические корни, живут на территориях, между которыми пролегают многие тысячи километров. Этому есть историческое объяснение.

В наши дни калмыки живут в Поволжье. Они населяют ту часть евразийского пояса, которая много веков назад была известна на Руси как Половецкая степь, а с XVII в. именуется Калмыцкой степью. Она находится между долинами рек Дона, Волги, Кумы и северо-западным побережьем Каспийского моря, в западной части

Прикаспийской низменности, и сегодня составляет территорию Республики Калмыкия, которая входит в состав Российской Федерации.

Как же оказались калмыки так далеко от своей исторической родины? Первые скудные данные о предках калмыков относятся примерно к X в. В исторической хронике монголов XIII в. «Сокровенное сказание» нынешние калмыки фигурируют под общим названием ойратов, которые обитали к западу от Байкала. Ойраты принимали участие в походах чингизидов и уже к XV в. заняли земли северо-западной части Монголии, в начале XVI в. вели так называемые ойрато-халхаские войны с восточными монголами. В конце XVI – начале XVII в. под влиянием военного давления со стороны халха-монголов и Китая ойратские племена были вынуждены передвигаться на новые земли. Отдельные из этих племен — торгуты, дербеты и хошуты — направились на северо-запад. В конце XVI в. первые группы ойратов появились на землях Сибири, которые уже находились под властью России. Ойратов, переселившихся на русские земли, в русских документах стали называть калмыками.

Двигаясь все дальше к западным границам России, к началу XVII в. калмыки достигли реки Дона, и в 1609 г. было оформлено добровольное вступление в подданство России. Постепенно на протяжении XVII в. калмыки заняли огромную территорию — от Уральских гор до предгорий Северного Кавказа.

В настоящее время калмыки проживают не только в Республике Калмыкии, но и в ряде областей Российской Федерации — Астраханской, Ростовской, Волгоградской, в Ставропольском крае, а также в странах Средней Азии и в Республике Казахстан, в США, во Франции.

Калмыцкий язык относится к западной ветви монгольских языков алтайской языковой семьи. С XIII в. до середины XVII в. ойраты, как и остальные монголы, пользовались общемонгольской письменностью, созданной на уйгурской графической основе. С 1648 г. крупнейший представитель духовной жизни ойратов того времени Зая-пандита ввел ойратскую (также называемую старокалмыцкой) письменность, которой калмыки пользовались до 1925 г., когда в Советском Союзе была введена современная калмыцкая

письменность на русской графической основе с добавлением шести специфических букв.

Проживая на протяжении многих веков в иноязычном окружении, калмыки сохранили своеобразную духовную культуру, в которой одно из центральных мест занимает грандиозный эпический памятник — «Джангар».

Запись, издание и изучение эпоса монголоязычных народов в нашей стране имеют более чем двухвековую историю (первое издание на немецком языке «Джангара», например, было опубликовано в 1804–1805 гг. [Bergman 1804: 205–211; Bergman, IX 1805: 181–214]) и связаны с именами выдающихся российских ученых — С. А. Козина, акад. Б. Я. Владимирцова, акад. В. М. Жирмунского, проф. В. Л. Котвича, Ц. Ж. Жамцарано, Н. Н. Поппе, монгольского академика Ц. Дамдинсурэна и целого ряда калмыцких и бурятских ученых, сформировавшихся в годы советской власти.

Ученые, готовившие издание калмыцкого и бурятского томов в серии «Эпос народов СССР», имели в своем распоряжении записи текстов эпоса, сделанные на протяжении длительного времени, и могли отобрать известный опубликованный и ранее неопубликованный варианты эпических песен.

Составители тома «Джангар. Калмыцкий героический эпос» 1990 года издания подробно охарактеризовали эпические тексты, вошедшие в него: «В настоящем издании калмыцкий эпос „Джангар“ представлен циклом, состоящим из десяти эпических песен, которые были записаны в 1908 г. от выдающегося народного певца-джангарчи Ээлян Овла в Малодербетовском улусе (ныне Малодербетовский район Калмыцкой АССР) студентом Петербургского университета Номто Очировым. Сверка записи при повторном исполнении тех же песен Ээлян Овла была произведена в 1910 г. В. Л. Котвичем» [Джангар 1990: 405].

Составители не только указали место хранения оригиналов публикуемых текстов эпоса («Записи хранятся в Архиве (Рукописный фонд) АН СССР в Ленинграде (ф. 761, оп. 2, § 8), фотокопии — в библиотеке КНИИ ИФЭ» [Джангар 1990: 405]), но и принципы их текстологической подготовки: «Запись Н. И. Михайлова, произведенная сплошным текстом, для издания в томе „Джангар“

Н. Ц. Биткеевым и Э. Б. Оваловым разбита на стихи в соответствии с песенно-поэтической природой памятника. Ими же осуществлена унификация диалектных слов по нормам современного калмыцкого языка; приведены в единую систему написания имен собственных и географических названий» [Джангар 1990: 5], что придает изданию особую достоверность, как и аутентичность: «Все тексты, включенные в издание, публикуются без сокращений, в том виде, как они были исполнены джангарчи» [Джангар 1990: 6].

Публикацию эпических текстов существенно дополняет основательно составленный научный аппарат: аргументированное исследование Н. Ц. Биткеева и Э. Б. Овалова «Калмыцкий героический эпос „Джангар“» [Джангар 1990: 384–409], «Обзор сюжетов песен „Джангара“, не вошедших в издание» тех же авторов [Джангар 1990: 410–430], существенно дополняющий их исследование, поскольку значительно расширяет представление читателя тома не только о сюжетном составе калмыцкого эпоса, но и о его поэтике; статья Г. М. Настиновой «Эпические напевы „Джангара“» [Джангар 1990: 431–435] и выполненные ею же нотные приложения [Джангар 1990: 436–452], «Комментарии» [Джангар 1990: 453–459], «Словарь» [Джангар 1990: 460–462] и максимально полная до 1990 г. «Библиография», включающая 237 названий публикаций и исследований, посвященных этому замечательному творению талантливого калмыцкого народа.

Будет справедливо особо выделить небольшие по объему, но основательные исследования двух талантливых выпускников аспирантуры Института мировой литературы — Н. Ц. Биткеева и Э. Б. Овалова «Калмыцкий героический эпос „Джангар“» и «Обзор сюжетов песен эпоса, не вошедших в издание» [Джангар 1990: 384–409, 410–430]. Подчеркнем еще раз, что в совокупности они содержат четкую аналитическую характеристику калмыцкого героического эпоса о Джангаре и определяют его место в мировом эпическом наследии.

В статье «Калмыцкий героический эпос „Джангар“» дается краткая историческая справка о калмыках, историография вопроса, общая характеристика эпоса. Важно отметить, что калмыцкая версия характеризуется в сопоставлении не только с «Джангаром»,

бытующим в Монголии и в Китае (прежде всего в Синьцзяне), но и с бурятским «Гэсэром», киргизским «Манасом», узбекским «Алпамышем», что позволяет авторам убедительно охарактеризовать специфические черты калмыцкого «Джангара». Подробно проанализирована система персонажей, поэтика эпоса и — что следует выделить особо — творчество выдающихся его исполнителей — джангарчи Ээлян Овла, Мукебюна Басангова и др. [Джангар 1990: 384–409].

В разделе «Обзор сюжетов песен „Джангара“, не вошедших в издание», изложены сюжеты песен калмыцкого эпоса, хранящихся в рукописном фонде Калмыцкого института общественных наук РАН (ныне — Калмыцкий научный центр РАН), а также в архивах Ленинградского государственного университета (ныне — Санкт-Петербургский университет) и Центральном государственном архиве г. Ростова-на-Дону (ныне — Государственный архив Ростовской области). Подчеркнем особо, что здесь учтены не только рукописные варианты, но и опубликованные в изданиях, ставших теперь библиографической редкостью, что придает описанию особую полноту [Джангар 1990: 410–430].

Эпические напевы «Джангара», как было сказано выше, характеризуются в одноименной статье Г. М. Настиновой. Опираясь на полную и точную характеристику типов исполнения этого эпоса, данную в работах акад. Б. Я. Владимирцова, а также А. Бобровникова, В. Л. Котвича, Н. Ц. Биткеева, В. К. Шивляновой, автор описывает монгольские и калмыцкие народные инструменты, искусство знаменитых джангарчи, их манеру исполнения. В статье приводятся 6 нотных записей мелодий «Джангара», сделанных в 1908–1910 гг., 1939, 1978 и 1981 гг. и представляющих разные типы исполнения эпоса, которые позволяют проследить их эволюцию «во времени» [Джангар 1990: 431–452].

В «Словаре» и в «Комментариях» объясняются архаическая лексика эпоса, идиоматические выражения, термины и понятия из области древних верований калмыков и буддизма, поясняется эпическая топонимика [Джангар 1990: 453–462].

Особо следует сказать о разделе «Библиография»: он включает издания текстов эпоса на языке оригинала и в переводах на многие

языки, а также посвященные ему исследования. Читатель тома может составить полное представление о состоянии изучения и издания знаменитого калмыцкого эпоса в конце XX столетия [Джангар 1990: 464–471].

Как видим, первая научная двуязычная публикация калмыцкой версии эпоса о богатыре Джангаре занимает достойное место в академической серии «Эпос народов СССР».

* * *

Том «Абай Гэсэр могучий» [Абай Гэсэр могучий 1995] посвящен народному героическому эпосу бурят.

Буряты, как и калмыки, — монголоязычный народ, проживающий в основном в Республике Бурятия, которая входит в состав Российской Федерации. Бурятский язык относится к монгольской группе языков. До 1917 г. буряты пользовались старомонгольской и тибетской письменностью; после установления советской власти в Бурятии была создана письменность на основе латиницы. В 1939 г. бурятская письменность была переведена на кириллицу с добавлением ряда букв, передающих специфические звуки бурятского языка.

Предки бурят задолго до создания империи Чингис-хана обитали в районах, прилегающих к озеру Байкал. В «Сокровенном сказании» повествуется о походах по приказу Чингиса на север для подчинения лесных племен, среди которых называются и буряты. Однако, в отличие от калмыков, предки нынешних бурят остались на своей исторической родине, где этот народ проживает в течение многих веков. С XVII в. началось присоединение бурят к Российской империи; по Нерчинскому договору с Китаем (1689 г.) и Буринскому трактату (1727–1728 гг.) буряты окончательно были закреплены за Россией в пределах Забайкалья и Предбайкалья, где они составляют основное население и в наши дни, наряду с русскими, украинцами, татарами и представителями других народов.

Как и калмыцкий эпос «Джангар», выдающийся памятник устной народной поэзии бурятского народа — эпос о Гэсэре — давно уже получил мировое признание. На протяжении последних полутора столетий он привлекает пристальное внимание ученых: его

изучением занимались академики С. А. Козин, Б. Я. Владимирцов, Ц. Дамдинсүрэн и целый ряд бурятских исследователей, первым из которых должен быть назван Ц. Ж. Жамцарано. Именно этому ученому довелось записать в 1906 г. наиболее полный и художественно совершенный вариант «Гэсэра» от талантливой сказителя Маншуда Имегенова и опубликовать его на бурятском языке [Образцы народной ... 1930]. И хотя в 60-е гг. XX в. уже было осуществлено двуязычное издание этого варианта [Абай-Гэсэр-хубун 1961], составители тома академической серии вновь выбрали для издания именно его. М. И. Тулохонов, автор исследования «Гэсэра», помещенного в томе, объясняет этот выбор тем, что за тридцать лет, прошедших со времени двуязычного издания этого текста, были достигнуты серьезные результаты в изучении эпоса бурят. Это и позволило подготовить новое двуязычное издание «Гэсэра» «...с учетом возросших требований: перевод, комментарии, исследовательские статьи являются по существу новым научным осмыслением эпического памятника в его целостности и художественной неповторимости с позиций современного эпосоведения» [Абай Гэсэр Могучий 1995: 462].

И это действительно так: текст эпоса, записанный Ц. Ж. Жамцарано и опубликованный в русской академической транскрипции, транслитерирован на современную бурятскую графику (к сожалению, нигде не указано, кем это было сделано). Текст не подвергался сокращениям, в него не было включено никаких добавлений: сравнение публикации 1930 г. с публикацией в томе серии «Эпос народов СССР» свидетельствует, что они совпадают по числу строк. Все постраничные примечания Ц. Ж. Жамцарано воспроизведены в новом издании, что также свидетельствует о бережном отношении его подготовителей к публикуемому материалу. И можно только пожалеть, что здесь не перепечатаны (как это было в томе серии «Строптивный Кулун Кулустуур») комментарии Ц. Ж. Жамцарано к изданию 1930 г., как и вступительная заметка к нему, содержащая ценные сведения и о самой рукописи 1906 г., и о принципах ее текстологической подготовки для первой публикации [Образцы народной ... 1930].

Важная составляющая тома «Абай Гэсэр могучий» — научный аппарат к эпическому тексту. Он включает комментарии к пере-

воду М. И. Тулохонова «Бурятский героический эпос „Гэсэр“» и «Варианты бурятского эпоса „Гэсэр“» [Абай Гэсэр Могучий 1995: 446–477, 478–504], а также статью Д. С. Дугарова «Напевы бурятских улигеров» [Абай Гэсэр Могучий 1995: 505–519].

В первой статье М. И. Тулохонова четко определено место в бурятском фольклоре героического эпоса — улигера, имеющего общие истоки у монголов, калмыков и бурят, выделены локальные эпические традиции у бурят, проявляющие себя в системе персонажей, сюжетном составе улигеров, в их поэтике. Специальное внимание уделено характеристике сказительского мастерства создателей, хранителей и исполнителей эпоса — улигершинов.

Как и калмыцкие сказания о Джангаре, бурятские сказания о Гэсэре рассматриваются в сопоставлении с другими эпическими памятниками — монгольскими, калмыцкими, тибетскими, пакистанскими, непальскими, выявляются общие истоки и единство происхождения бурятской и монгольской версий «Гэсэра», и на основе их сравнительного анализа характеризуются специфические особенности бурятского эпоса. Заключает статью подробный анализ публикуемого варианта эпоса — его содержания, трактовки образов главных героев, пространственных и временных представлений, поэтики и стиля.

Вторая статья М. И. Тулохонова продолжает и дополняет первую: в ней дается сравнительный анализ девяти вариантов этого эпоса, записанных от разных сказителей в 1906, 1916, 1937, 1940 и 1941 гг. Сведения, приведенные в этом разделе, позволяют составить достаточно полное представление о всей совокупности вариантов бурятского эпоса о Гэсэре, основная часть которых до сих пор не опубликована.

Здесь, к сожалению, не объясняется, почему последняя запись «Гэсэра» датируется 1941 г. Почти два десятилетия после этой даты бурятский «Гэсэр» был «в опале», его самый знаменитый собиратель Ц. Ж. Жамцарано в 1937 г. был репрессирован (о чем сообщается в подписи к его портрету). Так был пропущен важный этап в истории собирания этого памятника, когда, конечно же, еще были живы сказители, хорошо его помнившие, от которых можно было зафиксировать на магнитофон «живое» исполнение эпоса. Бурятский том академической серии был издан в 1995 г., и вполне правомерно

было объяснить такой значительный пробел в истории фиксации, публикации и исследования «Гэсэра» историческими обстоятельствами. А именно эти обстоятельства не позволили сделать в свое время нотные или механические записи бурятского эпоса. Автору статьи «Напевы бурятских улигеров» Д. С. Дугарову, в распоряжении которого таких записей не было, пришлось реконструировать эпические напевы «Гэсэра», опираясь на предельно лаконичные свидетельства собирателей эпоса, на уникальную фонографическую запись эхирит-булагатского напева эпоса, хранящегося в фонограммархиве ИРЛИ, на собственные разыскания и фиксации.

Заключительный вывод Д. С. Дугарова: «Вокальная и инструментальная музыка со всеми ее разнообразными формами и выразительными средствами, умело и талантливо использовавшимися бурятскими улигершинами в их эпическом творчестве, умножала идейно-художественные силы эпоса, усиливала его эстетическое воздействие на слушателей» [Абай Гэсэр Могучий 1995: 165–166] — основательно аргументирован и потому очень убедителен.

Значительно дополняют представления читателя о бурятском «Гэсэре» комментарии к переводу эпоса на русский язык. В них поясняются значение полисемантических слов, этнографические и бытовые реалии, образы мифологических и фольклорных (в том числе эпических) персонажей, значение различных художественных средств эпоса — образных характеристик персонажей и традиционных эпических формул.

* * *

За годы, прошедшие со времени выхода в свет томов калмыцкого эпоса «Джангар» и бурятского эпоса «Гэсэр», многонациональное российское эпосоведение обогатилось новыми фиксациями текстов этих эпических памятников, сделанных с применением самых современных технических средств и зафиксировавших новый этап в истории эпоса, а фольклористы разработали новые подходы к исследованию эпических памятников. И это позволяет продолжать издание серии, теперь носящей новое название — «Эпос Европы и Азии», и хочется надеяться на продолжение публикаций бессмертных творений разных народов нашей страны в новых исторических условиях.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-0400006 «История российского академического кавказоведения в очерках и биографиях».

Литература / References

- Абай Гэсэр Могучий 1995 — Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос / отв. ред. тома Н. В. Кидайш-Покровская; науч. консультант Г. Д. Санжеев; пер. А. Б. Соктоева; ред. пер. Д. А. Бурчиной, А. В. Кудиярова. Комм. Д. А. Бурчиной, А. Б. Коктоева; статьи М. И. Тулохонова, Д. С. Дугарова. М.: Вост. лит., 1995. 523 с. [*Abay Geser Moguchiy* [Abay Gesar the Mighty]. Buryat heroic epic. N. V. Kidaysh-Pokrovskaya (ed.); G. D. Sanzheev (scient. adv.); A. B. Soktoev (transl.); D. A. Burchina, A. V. Kudiyarov (transl. ed.). D. A. Burchina, A. B. Koktoev (comment.); M. I. Tulokhonov, D. S. Dugarov (articles). Moscow: Vost. Lit., 1995. 523 p. (In Rus. and Bur.)]
- Абай-Гэсэр-хубун 1961 — Абай-Гэсэр-хубун. Эпопея (Эхирит-Булагатский вариант) / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вст. ст. А. И. Уланова. Улан-Удэ: [б. и.], 1961. 229 с. [*Abay-Geser-khubun. Epopeya (Ekhirit-Bulagatskiy variant)* [Abay-Geser-Khubun Epic: the Ekhirit-Bulagat version]. M. P. Khomonov (prep., etc.); A. I. Ulanov (foreword). Ulan-Ude, 1961. 229 p. (In Bur. and Rus.)]
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост. тома, подг. текстов, исслед., коммент. и словарь Н. Ц. Биткеева и Э. Б. Овалова; пер. Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова, Ц. К. Корсункиева, А. В. Кудиярова, Н. Б. Сангаджиевой. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Гл. ред. вост. лит.-ры, 1990. 474 с. [*Dzhangar. Kalmytskiy geroicheskiy epos* [*Jangar: the Kalmyk heroic epic*]. N. Ts. Bitkeev, E. B. Ovalov (comp., perp., etc.); N. Ts. Bitkeev, E. B. Ovalov, Ts. K. Korsunkiev, A. V. Kudiyarov, N. B. Sangadzhiyeva (transl.). G. Ts. Pyurbeev (ed.). Moscow: Vost. Lit., 1990. 474 p. (In Rus.)]
- Образцы народной ... 1930 — Образцы народной словесности монгольских племен. Произведения народной словесности бурят / собрал Ц. Ж. Жамцарано. Тексты. Эпические произведения эхирит-булагатов. Гэсэр-Богдо. Л.: Акад. наук СССР; Гос. ин-т культуры Бур.-Монг. АССР (тип. Акад. наук СССР), 1930. Т. II. Вып. 1. 166 с. [*Obraztsy narodnoy slovesnosti mongol'skikh plemen. Proizvedeniya narodnoy slovesnosti buryat* [Folklore samples of Mongolic tribes: Buryat folklore compositions]. Ts. Zh. Zhamtsarano (coll.). Texts. Epic compositions of the Ekhirit-Bulgats. Geser-Bogdo. Leningrad: USSR Acad. of Sc.; State Inst. of Culture of Bur.-Mong. ASSR, 1930. Vol. II. Is. 1. 166 p. (In Bur. and Rus.)]
- Об итогах ... 1952 — Об итогах научной конференции, посвященной эпосу

- «Манас», и о мерах помощи Институту языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР // Вестник АН СССР. 1952. № 10. Октябрь. С. 64–69. [*Ob itogakh nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy eposu «Manas», i o merakh pomoschi Institutu yazyka, literatury i istorii Kirgizskogo filiala AN SSSR* [About results of the research conf. discussing the Epic of *Manas* and support measures for the Institute of Language, Literature and History of the Kirghiz Branch of the USSR Acad. of Sc.]. *Vestnik AN SSSR*. 1952. No. 10. October. Pp. 64–69. (In Rus.)]
- Петросян 1958 — *Петросян А. А.* Изучение проблем национальной литературы и фольклора народов СССР // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XVIII. Вып. 2. С. 177–182. [Petrosyan A. A. Peoples of the USSR: investigating problems of national literature and folklore. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. Moscow: USSR Acad. of Sc., 1958. Vol. XVIII. Is. 2. Pp. 177–182. (In Rus.)]
- Чичеров 1955 — *Чичеров В. И.* Вопросы изучения эпоса народов СССР // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. XXIII. Вып. 1. С. 48–52. [Chicherov V. I. Epics of the USSR's peoples: issues of research. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. Moscow: USSR Acad. of Sc., 1955. Vol. XXIII. Is. 1. Pp. 48–52. (In Rus.)]
- Bergman 1804 — *Bergman B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken [Nomadic journeys among the Kalmyks]. Riga, 1804. Vol. II. Pp. 205–211. (In Germ.)
- Bergman 1805 — *Bergman B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken [Nomadic journeys among the Kalmyks]. Riga, 1805. Vol. IV. Pp. 181–214. (In Germ.)